

Обрядовое использование стрел в культурах эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы

Цель предлагаемого исследования – рассмотрение обрядового использования стрел и их фрагментов носителями срубной, сабагиновской, белозерской и некоторых других культур эпохи поздней бронзы¹.

Наиболее репрезентативны материалы по срубной культуре. В частности, нам известно 32 погребальных комплекса, содержащих фрагменты стрел (см. Приложение). Основная их масса (28) выявлена на восточной территории срубной общности (Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал). Стоит отметить, что в литературе фигурируют еще некоторые срубные захоронения со стрелами² из Среднего и Нижнего Поволжья. Они исследованы в могильниках Ишеевский, 1/5, Ульяновская обл. (Буров 1971: 165; Васильев и др. 1985: рис. 4, 9), Федоровский I, 2/3, Самарская обл. (Семенова 2000: рис. 8, 7–15), Марьевский³ (Круглов, Подгаецкий 1935: 61). Однако, поскольку полные публикации данных захоронений нам неизвестны, ниже мы от них абстрагируемся.

Фрагменты стрел из срубных погребений представлены наконечниками и костяными втоками (цельными и составными). Наиболее типичны для данной культуры костяные наконечники (Шишлина 1990: 28–29). Реже встречаются наконечники из кремня. Главным образом, они выявлены в срубных комплексах севера Среднего Поволжья. На территории Нижнего Поволжья нам известно лишь 1 срубное погребение с кремневыми наконечниками (Бородаевка, 9/10). Основанием для отнесения комплекса к срубной культуре послужил находившийся в нем сосуд. Стоит сказать, что в Нижнем Поволжье обнаружена серия погребений с кремневыми наконечниками стрел (порой в сочетании с костяными), относящихся к покровской культуре (Синицын 1959: 84–85, 166, 168; Малов 1991: 18–20, 22; Памятники... 1993: табл. № 7, 28, 79, 159, 160, 162, 167, 174, 283; табл. 15, 5–6; Ляхов 1994: рис. 3, 1–5; Максимов 1994: 110, 112–113; Малов 2003: 168; Африканов 2007: 44–46; Фирстков 2007: 127–129; Зеленева, Юдин 2010: 138–142). Данные захоронения зачастую нелегко отличить от срубных, т.к. погребальный обряд этих двух культур во многом близок. Критерием отличия может быть керамика. Кроме того, основанием для отнесения погребения, происходящего с территории Нижнего Поволжья, к покровской культуре является присутствие в комплексе щитковых псалиев и кремневых наконечников стрел с усеченным основанием.

Некоторые авторы рассматривали отдельные покровские погребения со стрелами как раннесрубные или относящиеся к раннесрубному времени (Африканов 2007: 45; Фирстков 2007: 129), что порождено гипотезой о существовании генетической связи между срубной и покровской культурами. Не затрагивая проблемы хронологи-

¹ Мы искренне благодарны В.А. Подобеду, обратившему наше внимание на ряд публикаций по рассматриваемой проблематике.

² Здесь и ниже, говоря о захоронениях и других комплексах со стрелами, мы отдаем себе отчет в условности термина «стрела», т.к. в комплексы порой помещались не целые стрелы, а лишь их наконечники.

³ В работе сказано, что погребение выявлено в Нижнем Поволжье, но привязка к административной единице отсутствует.

ческого и культурного соотношения срубных и покровских древностей, скажем лишь то, что мы считаем более корректным рассматривать срубные погребения со стрелами отдельно от покровских.

Большая часть учтенных комплексов восточной территории срубной общности с фрагментами стрел исследована в Среднем и Нижнем Поволжье. Их 24. На Южном Урале обнаружены лишь 4 комплекса. В массиве из учтенных нами 1095 южноуральских погребений они составляют 0,4%. Для сравнения, соответствующий показатель по Среднему Поволжью (учтено 1132 погребения) – 1,1%, а по Нижнему Поволжью – 1,0% (679 комплексов с территории Саратовской обл. и 409 с территории Волгоградской обл.⁴). Стоит уточнить, что в пределах Нижнего Поволжья наибольшая концентрация рассматриваемых захоронений имеет место в Саратовской области – 1,3% среди однокультурных, тогда как показатель по Волгоградской области – 0,5%. Таким образом, можно констатировать, что стрелы попадали лишь в немногие захоронения срубной культуры, т.е. удельный вес лиц, обладавших характеристиками, маркировавшимися при погребении этими изделиями, был ничтожно мал.

Срубные погребения с фрагментами стрел восточной территории происходят из 21 могильника. При этом в Новоселках было 4 таких комплекса, в Натальино II – 3, в Новопавловке и Рождествено I – по 2. Стоит обратить внимание на то, что ни разу в кургане не было более одного захоронения с фрагментами стрел, даже если курган содержал серию синхронных комплексов. Очевидно, в данном случае мы сталкиваемся с проявлениями какого-то очень жесткого канона.

Локализация рассматриваемых захоронений в пределах подкурганной площадки могла быть разной. Соответствующая информация у нас имеется по 25 курганам. Эти курганы, в зависимости от количества содержащихся в них захоронений, можно разделить на три группы: 1) курганы с одним погребением; 2) курганы с двумя погребениями; 3) курганы с тремя и более погребениями. В курганах группы 1 погребение «лучника»⁵ всегда находилось в центральной части (9 захоронений). В курганах группы 2 захоронение со стрелами в 3-х случаях размещалось в центре подкурганной площадки и в 1 – под западной частью насыпи. В курганах группы 3 локализация захоронений «лучников» более вариативна. В 3-х случаях комплекс находился в центре, в 2-х – он выявлен в северной части площадки, в 2-х – на восточной ее периферии, в 2-х – на южной, в 3-х – на западной. Таким образом, только 15 погребений со стрелами размещались в центре подкурганной площадки. При этом, чем больше было синхронных захоронений под насыпью, тем меньшей являлась вероятность того, что погребение «лучника» займет центральное положение.

Вопрос о закономерностях размещения курганов с погребениями «лучников» в пределах могильников рассматривать сложно, ибо информации для этого недостаточно. В 1 случае курган являлся одиночным, в 19 – он входил в состав могильника. У нас имеются планы 13 таких могильников. Анализ их планиграфии позволяет очень осторожно заострить внимание на следующем:

⁴ Захоронения Астраханской обл. не учитывались, поскольку здесь погребальных комплексов со стрелами нет.

⁵ Слово взято в кавычки, поскольку, как мы увидим ниже, в контексте ряда захоронений прагматика стрел, изначально являвшихся предметами вооружения, была нарушена, и их знаковая нагрузка сместилась в иные сферы.

1. 3 могильника имели вид цепочек, ориентированных, как правило, в широтном или близком к нему направлении. При этом ни разу курган с захоронением «лучника» не находился на западном или юго-западном конце этой цепочки. Так, в могильнике Грачевка он размещался на юго-восточном ее конце (Богданов 2000: рис. 1, 1), а в могильнике Красноселки II – посередине (Халяпин, Порохова 2000: 110–111). В могильнике Рождествено I один курган с погребением, содержащим стрелы, локализовался на восточном конце цепочки, а другой – внутри нее (Крамарев, Кузьмина 2012: рис. 1). В 4 могильниках, помимо компактной цепочки, где находился курган «лучника», были и другие курганы, причем интересующая нас цепочка очень четко выделялась в пределах могильника. Так, в Новоселках такую цепочку образовывали курганы 1–5 и 7. При этом 3 кургана с погребениями «лучников» размещались на восточном конце цепочки, и лишь один – на западном (Иванов, Скарбовенко 1993: рис. 1). В могильнике Песочное выделялась цепочка из курганов №№ 1–3. Курган № 1, где выявлено захоронение со стрелами, локализовался на ее восточном конце (Зудина, Скарбовенко 1985, рис. 1). В Натальино II курганы №№ 7 и 8 с комплексами, содержащими стрелы, находились на юго-восточном конце цепочки, четко видной на плане большого могильника (Памятники... 1993: табл. 1, 1). Наконец, курган № 9, Бородаевка, размещался на северном конце цепочки, которая обособлялась в пределах могильника (Миронов 1991: рис. 1, 1). Таким образом, можно допускать, что в случаях с курганными цепочками насыпи, под которыми были погребены лица, сопровождавшиеся стрелами, чаще всего находились на восточном или юго-восточном конце цепочки;

2. В могильниках, где курганы размещались «кустом» или образовывали цепочку с «отростками», насыпи, под которыми были погребены «лучники», демонстрировали разные варианты локализации. Так, в Новом Ризаде I интересующий нас курган находился в северо-западной части могильника (Пятых 1983: рис. 1), в Месере V – в северо-восточной части (Лопатин, Четвериков 2010: рис. 6, 1), а в Скворцовке – в юго-восточной части (Моргунова и др. 2010: рис. 2). Вместе с тем, относительно часто встречалась локализация кургана с захоронением, содержащим стрелы, на северной оконечности подобного могильника. Это имело место, например, в Николаевке (Исмагил и др. 2009: рис. 3), Новопавловке (Скарбовенко 1981: рис. 1, 3) и Спиридоновке II (Кузнецов, Мочалов, 1999, рис. 1). Очевидно, подобная картина может быть усмотрена и в могильнике Натальино II. Здесь курган 11 с погребением «лучника» исследован в северной части группы курганов, насыпанных между двумя балками (Памятники... 1993: табл. 1, 1).

Итак, можно предположить, что размещение курганов, под которыми находились захоронения со стрелами, в пределах могильников подчинялось определенным закономерностям. Существование этих закономерностей подтверждают, в частности, материалы могильника Рождествено I. Здесь курганы №№ 1–5 образовывали слегка изогнутую цепочку с хордой, ориентированной по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. При этом к. 1 был несколько обособлен от остальных (Крамарев, Кузьмина 2012: рис. 1). Если абстрагироваться от него, можно заметить следующее. В кургане 2 – западном в группе из курганов 2–5 – содержащее стрелы п. 5 находилось на западной периферии подкурганной площадки (Крамарев, Кузьмина, 2012, рис. 8). А в кургане 5 – восточном в группе – п. 16, где также находились стрелы, локализовалось на восточной периферии площадки (Крамарев, Кузьмина 2012:

рис. 32). Словом, два погребения со стрелами словно ограничивали с двух сторон захоронения курганов 2–5.

Из учтенных захоронений со стрелами восточной территории 4 являлись кенотафами. Учитывая неординарность этих комплексов, с большой долей вероятности можно допустить, что данные кенотафы были связаны с взрослыми. Еще в 1 случае сведений о возрасте умершего нет. Из остальных погребенных 17 являлись взрослыми, 4 – подростками (в т.ч. 7, 7–8 и 9–10 лет), 2 определены как дети. Пол взрослых известен в 10 случаях, причем во всех них он был мужским. Возраст мужчин, погребенных со стрелами, – 18–25, 30–40, 40–50 (2 погребения), 35–55 (3 погребения), 50–55 лет. Наконец, один мужчина был «средних лет». Конечно, имеющихся возрастных определений недостаточно, тем не менее, можно обратить внимание на то, что стрелы попадали в могилы, по большей части, мужчин старше 35 лет. Вместе с тем, они могли оказаться и в погребении подростка и даже ребенка.

Особого внимания заслуживает кенотаф из Натальино II, 11/1. Наряду с составными втоками стрел в могиле были выявлены сосуд, бронзовый нож и, что самое интересное, – бронзовые пронизи, сурьмяные бусы и овальные бронзовые пластинки с отверстиями, очень напоминающие те, которые в ряде случаев входили в состав т.н. «накосников» (женских головных украшений) (см., например: Горбунов 1977: рис. 6, 22; Горбунов, Морозов 1991: рис. XXIII, 7; Семенова 2000: рис. 13, 5; Шевнина 2002: рис. 1, 15, 16). Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с набором, по меньшей мере, из двух категорий украшений (ожерелье + накосник). Но наборы украшений характерны для захоронений женщин (Цимиданов 2006а: 199⁶). Отсюда правомерно допущение, что рассматриваемый кенотаф был сооружен в честь женщины. Он свидетельствует о том, что в срубной культуре стрелы изредка могли попадать и в женские захоронения.

На восточной территории срубной общности в захоронениях взрослых и кенотафах в подавляющем большинстве случаев (19 погребений из 21, или 90,5%) выявлено более 1 стрелы. В могилах детей и подростков, напротив, чаще встречается 1 наконечник стрелы (4 комплекса из 6, или 66,7%).

Все захоронения взрослых и кенотафы восточной территории, где находились фрагменты стрел, являлись подчеркнуто неординарными. Они демонстрировали те или иные знаки высокого ранга, в частности: «индивидуальный курган» – 42,9% данных комплексов, «большая могильная яма» (площадь 2 и более кв. м) – 81,0%, «сложное могильное сооружение» (чаще всего – столбовая конструкция) – 19,0%, «остатки мясной пищи» (кости животных на дне могилы) – 38,1%, «бронзовый нож» – 33,3%, «остатки жертвоприношений животных вне дна могилы» (кости на подкурганной площадке или в заполнении могилы) – 42,9%.

Среди погребений детей и подростков, содержавших наконечники стрел, только 2 (33,3%) демонстрировали знаки высокого ранга. Одно из них – захоронение подростка 9–10 лет из Мессера V, 1/4. Здесь на краю могильной ямы обнаружены фрагменты черепа и конечности мелкого рогатого скота, а в самой могиле найден нож. Второй комплекс – парное погребение двух подростков 7–8 лет из Скворцовки, 3/19 (наконечник стрелы тяготел к одному из них); вблизи могильного выброса лежали кость животного и 3 деревянные плашки.

⁶ Впрочем, накосники и сами по себе являлись женскими атрибутами (Цимиданов 2006а: 119).

Сведения о категориях некерамического инвентаря, присутствовавшего в погребениях взрослых и кенотафах, приведены в таблице 1. Обратим внимание на то, что в 2-х захоронениях выявлены бронзовые кинжалы с литыми рукоятками (Новопавловка, 4/1; Песочное, 1/1), причем оба эти изделия находились в ножнах. Сочетание в данных комплексах двух категорий вооружения (стрелы и кинжал) служит аргументом в пользу того, что наборы стрел в погребениях срубной культуры являлись знаками воинского статуса. Справедливости ради стоит отметить, что стрелы с костяными наконечниками срубной и других культур эпохи бронзы порой трактуются как орудия охоты (Шишлина 1987: 30; 1990: 30; Малов 1991: 25; Морозов, Чаплыгин 2007: 56; Агульников 2011: 289; Бровендер 2012: 58; Панковский 2012: 321). Отрицать, что население бронзового века использовало лук для охоты, едва ли правомерно. Однако, на наш взгляд, в контексте погребального обряда рассматриваемых культур стрелы, как правило, выступали в качестве оружия. Данная гипотеза может быть подкреплена следующими аргументами:

1. В ряде захоронений предсрубного времени костяные наконечники стрел коррелировались с таким явным предметом вооружения, как копье с бронзовым наконечником (Малов 2003: 168, 170);

2. В предсрубных и срубных погребениях костяные наконечники стрел порой входили в состав одного комплекса с кремневыми наконечниками (Памятники... 1993: табл. 1, № 7; Ляхов 1994: рис. 3, 3, 4; Кузнецов, Мочалов 1999: 60–61; Мамонтов 2000: 75–77), относительно принадлежности которых к сфере вооружения у исследователей, пожалуй, нет сомнений;

3. Изредка в захоронениях эпохи бронзы костяные наконечники стрел находят среди костей погребенных, что говорит об использовании стрел с данными наконечниками в ходе вооруженных конфликтов (Зеленева, Юдин 2010: 140);

4. В экономике рассматриваемых культур роль охоты была весьма незначительной (Шилов 1985: 26; Косинцев, Рослякова 2000: 306; Журавлев 2001: 65–68; Цимиданов 2004: 96), а потому «воспевание» стрел как охотничьих атрибутов путем включения их в контекст культовых комплексов представляется маловероятным;

5. Костяные наконечники стрел, как показывают материалы более поздних эпох, широко применялись в военной сфере и обладали высокой эффективностью (Худяков 1986: 39–42).

Возвращаясь к содержащим фрагменты стрел кенотафам и захоронениям взрослых, обратим внимание на то, что в 9-ти из них обнаружены части жезлов (инсигний власти) – каменный топор (Новопавловка, 5/1), булавы из бронзы (Натальино II, 7/1) и камня (Новоселки, 3/2; Рождествено I, 2/5, Быково, 1/5), костяные детали жезлов-тростей в виде резных колец и втулок (Новопавловка, 4/1; Красноселки II, 2/3; Бородаевка, 9/10; Меркель, G2/4). Высокий удельный вес захоронений с инсигниями власти в рассматриваемом массиве (42,9%) свидетельствует в пользу развития ряда потестарных образований Среднего и севера Нижнего Поволжья по военному пути политогенеза.

В 2-х захоронениях (Песочное, 1/1; Натальино, 8/1) были выявлены деревянные сосуды, которые свидетельствуют о причастности погребенных к культовому служению (Цимиданов 2004: 75–76). Заметим, что в остальных комплексах не было категорий инвентаря, которые могли бы свидетельствовать о том, что погребенный являлся не только воином, но и служителем культа. Таким образом, 9,5% захоронений рассматриваемого массива демонстрирует знаки обрядовой функции и 42,9% – власт-

ной функции. Отсюда видно, что воинство более стремилось к управленческой, а не к ритуальной деятельности.

Инвентарь из погребений детей и подростков менее разнообразен (Табл. 2). Интересно то, что большая часть его категорий не находит соответствия в захоронениях взрослых и кенотафах (плеть, абразив, астрагалы, копыто мелкого рогатого скота, клыки хищника, берестяная коробочка, кусок кварцита). Показательно следующее. Из 6 погребений детей и подростков 5 демонстрируют явные знаки, связанные с обрядовой сферой. Таковыми являются астрагалы, выявленные в захоронениях из Спасского I, 2/2, и Николаевки, 1/10 (см.: Цимиданов 2001: 223–228), плеть из Истомина, 3/6 (см.: Цимиданов 2007б: 219–223), копыто из Мессера V, 1/4 (см.: Подобед и др. 2014). В погребении из Зауморья, 1/1, присутствовал абразив. Данные изделия также играли важную роль в обрядовой практике (Цимиданов 2004: 57). Итак, 83,3% детей и подростков, погребенных со стрелами, имели отношение к отправлению обрядовой функции. Таким образом, сравнение погребений взрослых, с одной стороны, и погребений детей и подростков, с другой, позволяет сделать вывод, что стрелы в погребениях срубной культуры были полисемантически: в одних контекстах они являлись знаками воинского статуса, в других – атрибутами обрядовых манипуляций и, очевидно, маркерами причастности усопших к обрядовой жизни.

Любопытные нюансы обнаруживаются при рассмотрении локализации остатков стрел в пределах могильной ямы:

1. Иногда наконечники стрел или втоки располагались компактно (Новопавловка, 4/1, 5/1; Рождествено I, 5/16; Натальино II, 7/1; Черebaево, 1/3; Мокрое 2, 3/1; Меркель, G2/4). Это позволяет допускать, что стрелы (2 и более) лежали пучком;

2. Порой стрелы были положены в разных местах могилы. Так, в захоронении из Спиридоновки II, 1/1 пять наконечников размещались компактно (очевидно, стрелы лежали пучком), а один – в отдалении от них. В погребении из Песочного, 1/1, одна из стрел была, вероятно, положена на бедренную кость примерно перпендикулярно последней (наконечник лежал в углу, образованном бедренными и берцовыми костями, а вток – перед «животом»). Две другие стрелы были обособлены от первой (и друг от друга), судя по тому, что вток одной из них находился в головах погребенного, а вток другой – перед его грудью. В погребении из Истомина, 3/1 наконечники размещались у колен (2 экз.), «у ног» и у стоп, т.е. стрелы вновь не образовывали пучка. В погребении из Бородаевки, 9/10, судя по размещению втоков и наконечников (Миронов 1991: 61, рис. 2, 7), стрелы, находившиеся за спиной умершего, также не образовывали пучка. В этом же захоронении один наконечник стрелы был воткнут в дно могилы у стоп погребенного черешком вниз;

3. Изредка стрелы размещались в могиле острием вниз. Так, в погребении из Бородаевки, 9/10, стрела была прислонена к стенке могилы за спиной умершего;

4. В одном случае стрела (или лишь наконечник) была воткнута острием в стенку (Бородаевка, 9/10);

5. Наконечники стрел, как отмечено выше, размещались в скоплениях астрагалов (Спасское I, 2/2; Николаевка, 1/10) или рядом с ними (Скворцовка, 3/19);

6. В одном случае стрела была положена наконечником в пятно охры (Новоселки, 2/7).

Таким образом, стрелы зачастую не просто клались близ умершего, но с ними совершались различные манипуляции.

Изредка наконечники стрел обнаруживаются за пределами могил. Так, в кургане № 1 Быковского могильника, на краю ямы погребения № 5 находились костяки двух коней. У копыта левой передней ноги одного из них выявлен наконечник стрелы из кремня (Смирнов 1957: 214).

Кремневый наконечник был обнаружен в насыпи срубного кургана № 5 могильника Кайбелы, Ульяновская обл. (Попова 1953: 60). Возможно, изделие попало в насыпь случайно – с грунтом, взятым для насыпки кургана. Вместе с тем, срубное население использовало кремневые стрелы, в том числе и относящиеся к более ранним культурам, в своей обрядовой практике, о чем мы еще скажем ниже. Поэтому нельзя исключать того, что упомянутый артефакт оказался в кургане вследствие обрядовой манипуляции.

На западной территории срубной общности (от Подонья до Ингульца), в отличие от Поволжья, наконечники стрел выявлены лишь в единичных захоронениях, причем во всех случаях в могиле находился 1 наконечник. В частности, такой комплекс исследован в могильнике Чамлык-Никольское, Липецкая обл. Он являлся подчеркнуто неординарным, что фиксируют знаки «индивидуальный курган», «мясная пища в захоронении» и «следы обрядов вне дна могилы». В могильной яме находились костяки мужчины и ребенка 3–5 лет. Близ первого был воткнут в землю костяной наконечник стрелы. Данное захоронение в массиве учтенных нами 648 срубных погребений Верхнего и Среднего Подонья составляет лишь 0,15%.

В захоронении из Азова, 2/4, Запорожская обл. обнаружен костяной наконечник стрелы с преднамеренно затупленным острием. Комплекс, как и описанный выше, относится к числу неординарных. Могила располагалась между двумя более ранними курганами, которые соединяла досыпка. Это – маркер принадлежности умершего к лицам высшего ранга (Цимиданов 2004: 69). А знаковая «перенасыщенность» комплекса и присутствие в нем раковин позволяют предположить, что умерший имел отношение к отправлению обрядовой функции (Цимиданов 2004: 42, 78–79).

Довольно ярок и комплекс из Верхней Маевки II, 1/1, Днепропетровская обл. Высота сооруженного над ним кургана составляла 4,3 м, что применительно к срубной культуре аномально. Возводился курган в два приема. На первой насыпи обнаружена жертвенная площадка – слой пепла, на котором лежали черепа животных. На дневной поверхности выявлены кострище и черепа коней. В большой могильной яме находился сруб, накрытый слоем камыша мощностью до 0,7 м. Между стенкой ямы и срубом выявлен фрагмент крупного сосуда с углями и кремневым наконечником стрелы. Кости погребенного были обожжены. Большую глубину ямы (2,1 м) и слой камыша в ней правомерно интерпретировать как проявления т.н. «запечатывания», преследовавшего цель изолировать умершего от живых. «Запечатывание» же – один из знаков статуса служителя культа (Цимиданов 2004: 45). Подчеркнем, что наконечники, подобные найденному в этом комплексе, носителями срубной культуры данной территории не изготовлялись, т.е. перед нами – явно культовая вещь, использованная не в соответствии со своим первоначальным назначением.

Более «скромным» являлось погребение из Малого Кута, 1/1, Донецкая обл., бывшее впускным в кургане. Подростка 10–12 лет сопровождали сосуд и фрагментированный костяной наконечник стрелы (отломано основание), располагавшийся «у таза». Не вполне ясно, можно ли считать наконечник инвентарем или он находился в теле погребенного. Однако последний вариант представляется сомнительным в силу того, что артефакт являлся поврежденным. Едва ли можно было оставить боль-

шую часть наконечника в ране, извлекая стрелу из тела. Скорее всего, фрагмент стрелы был преднамеренно положен близ покойника. Тем более, в захоронении из Мессер V, 1/4, близ костяка подростка так же лежал костяной наконечник с отломанным основанием.

Три упомянутые выше погребения с территории Днепропетровской, Запорожской и Донецкой областей составляют 0,1% в массиве учтенных нами срубных захоронений Левобережной Украины.

Заслуживает внимания и еще одно погребение с территории Донецкой области. Данный комплекс (п. 7) выявлен в кургане, раскопанном в г. Славянск (пос. Артема). У колен взрослого располагались костяной втульчатый наконечник стрелы и уплощенный костяной предмет в форме вытянутого треугольника. Данный артефакт, по мнению В.Ф. Клименко, производившего раскопки, также является наконечником стрелы. Исследователь трактовал захоронение как срубное (Клименко 1997: 36), но данная атрибуция не бесспорна. Северная ориентировка погребенного и типологические особенности сосуда (внутреннее ребро при переходе венчика в тулово; горизонтальные расчесы на поверхности) позволяют отнести комплекс к т.н. «абашевским», по Я.П. Гершковичу (1982: 54–56), или т.н. «покровским», по Р.А. Литвиненко (1994: 7). На наш взгляд, погребение из Славянска может быть как предсрубным, так и раннесрубным. В первом случае оно лишь дополняет и без того репрезентативную серию воинских захоронений доно-волжской абашевской культуры, но представляет интерес для изучения миграций среднедонских абашевцев на юг. Во втором случае это – единственное пока воинское захоронение срубной культуры на территории Украины и в этом смысле – любопытный штрих к картине социальной истории и миграций носителей срубной культуры⁷.

Находки наконечников стрел известны и в культовых комплексах срубных поселений. В частности, на поселении Казангулово I, Башкортостан в заполнении землянки, примерно 70 см выше дна котлована, находился костяной наконечник стрелы. На 65 см выше него размещался костяной наконечник дротика (Горбунов, Обыденнов 1975: 254–255). Учитывая взаимное расположение наконечников, можно допустить, что оба артефакта были преднамеренно помещены в слой заполнения котлована.

Серия наконечников стрел была найдена на срубном поселении Горный-1, Оренбургская обл. Среди них – кремневые (Кузьминых 2004а: 284), костяные (Антипина 2004: рис. 7.22) и бронзовые (Кузьминых 2004б: 81) изделия. И хотя контексты, в которых находились данные артефакты, в публикациях материалов поселения, как правило, не уточняются, кое-какую информацию по интересующим нас вопросам «выудить» все-таки можно. В частности, 2 фрагмента костяных наконечников (оба представлены остриями) были выявлены в комплексе № 2, квадрат 5532 (Антипина 2004: рис. 7.22, 6, 9). Данный квадрат попал на территорию плавильного двора (Черных, Лебедева 2002б: рис. 4.11). Локализация рассматриваемых артефактов в пределах квадрата не ясна, но показательно то, что в этом квадрате находилась часть «очага № 6», служившего для выплавки меди, причем очаг был центральным на пла-

⁷ В миграциях носителей срубной культуры из Поволжья на запад, судя по имеющимся археологическим материалам, в том числе и обобщенным в данной работе, представители социальной группы воинов не принимали участия (Цимиданов 2006б: 81), или почти не принимали, если захоронение из Славянска все-таки срубное.

вильном дворе. Его окружала серия ям, трактуемых авторами как «сакральные и жертвенные» (Черных, Лебедева 2002б: 101), что подтверждается, в частности, результатами изучения содержащихся в них археозоологических материалов (Антипина 2004: 204). Некоторые из упомянутых ям размещались в квадрате 5532, но не ясно, выявлены ли фрагменты наконечников в них или вне их. Впрочем, в любом случае обнаружение интересующих нас артефактов на участке со следами культовой деятельности – важный аргумент в пользу того, что фрагменты наконечников в данном контексте являлись обрядовыми атрибутами. Очевидно, они каким-то образом были связаны с металлургическими культами.

В квадрате 4825 комплекса № 1 была обнаружена заготовка костяного наконечника стрелы (Антипина 2004: рис. 7.22, 2). Обратим внимание на то, что через данный квадрат проходила северная граница плавильного двора (Черных, Лебедева 2002а: рис. 3.16). Учитывая, что во многих культурах (если не во всех) любые границы (в т.ч. границы поселений, жилищ, хозяйственных объектов) являются сакральными, можно допустить преднамеренное помещение заготовки стрелы на границу плавильного двора.

Важным является следующий факт. Большая часть костяных наконечников стрел поселения Горный-1 происходит из отложений субфазы В-3: 4 из 6 технологически завершенных изделий (Антипина 2004: рис. 7.22, 5, 7, 8, 10) и 3 из 4 заготовок (Антипина 2004: рис. 7.22, 1, 3, 4). Отложения данной субфазы, вероятно, возникли в результате того, что жители поселения перед тем, как покинуть его, целенаправленно засыпали все котлованы и выровняли поверхность. По мнению авторов публикации, это был «сакральный акт прощания, некий совершенно необходимый... магический ритуал» (Черных, Лебедева 2002в: 123). Отсюда правомерно допущение, что попадание в отложения костяных наконечников и их заготовок не являлось случайным. Возможно, эти предметы служили своеобразными жертвами оставления построек и поселения в целом⁸.

В отложениях субфазы В-3 (засыпь комплекса № 1) были выявлены также два кремневых наконечника стрел с усеченным основанием (Кузьминых 2004а: 284). Автор публикации констатирует, что наконечники данного типа характерны для более раннего времени, чем комплекс, где они обнаружены, но делает из этого лишь тот вывод, что в период, когда производилось их археологизация, подобные наконечники еще «встречались» (Кузьминых 2004а: 284). На наш взгляд, не менее правомерно и иное предположение: в срубной культуре кремневые наконечники с усеченным основанием уже не изготавливались, но, будучи случайно найденными, становились обрядовыми атрибутами.

Из засыпи комплекса № 2 происходит бронзовый наконечник стрелы (Кузьминых 2004б: 81). Не исключено, что он также являлся жертвой оставления.

Нахождение наконечников стрел в культовых контекстах зафиксировано и на других поселениях срубной культуры. Так, в постройке поселения Успенка, Саратовская обл., близ очага был обнаружен сосуд, в котором лежали костяные наконечники стрел и их заготовки (Лопатин 1993: 72).

На срубном поселении Сухая Мечетка IV, Волгоградская обл., в зольнике, заполнявшем котлован жилища, выявлен кремневый наконечник стрелы, относя-

⁸ О жертвах оставления см.: Горбов, Мимоход 1999: 25–26.

щийся к значительно более раннему времени, чем то, когда сооружалась постройка. На наш взгляд, авторы публикации вполне справедливо назвали данный артефакт «амулетом или оберегом».⁹ Другие находки из зольника, помимо фрагментов керамики и костей животных, – располагавшиеся вверх дном сосуды, фрагменты сосудов, на которых были выполнены «загадочные знаки», «граффити», «рисунки», каменный «фаллический предмет», песты, обработанные астрагалы мелких копытных, бронзовые браслет и игла, глиняное орнаментированное пряслице и т.д. (Мыськов, Лапшин 2007: 25–27). Относя данный комплекс к культовым, мы исходим из того, что зольники бронзового века были отнюдь не простыми свалками мусора, но объектами, имевшими высокий семиотический статус в силу сакральности золы. О связи с культовой практикой срубных зольников уже писали многие авторы (см., например: Подобед и др. 2010: 23). В случае с зольником поселения Сухая Мечетка IV эта связь достаточно очевидна, учитывая присутствие в его толще предметов, которые в срубной культуре имели высокий семиотический статус и широко применялись в обрядовой практике, – сосудов, перевернутых вверх дном (Мимоход 2001: 101), астрагалов мелких копытных (Цимиданов 2001: 215–229), керамики с иррегулярным орнаментом (Цимиданов 2001: 227), предметов из кремня (Цимиданов 2004: 56), пряслиц (Цимиданов 1999: 224–225).

На поселении срубной культуры Новоселовка I, Донецкая обл. в заполнении котлована № 1 находился развал сосуда, рядом с которым располагались тупик из челюсти животного и костяной наконечник стрелы (Цимиданов 1990: 9–10). Стоит учесть, что на данном поселении при вскрытой площади около 550 кв. м найдены лишь 3 тупика и 1 костяной наконечник стрелы. Так что, случайная «встреча» упомянутых изделий является маловероятной. Очевидно, мы имеем дело с целенаправленно сформированным комплексом.

В жилище 4 срубного поселения Николаевка, Донецкая обл., в очаге, наряду с фрагментами керамики и кальцинированных костей, были выявлены тупик, 2 костяные проколки, каменные «утюжок», точило, пест, 2 растиральника и костяной наконечник стрелы (Привалова, Привалов 1987: 97). Концентрация в одном месте (к тому же – в очаге) серии орудий свидетельствует о культовом характере комплекса.

На поселении Халаджи Бахчи, Донецкая обл. в т.н. «прирезке № 2» была исследована западная часть постройки. Среди камней цоколя находился кремневый наконечник стрелы эпохи энеолита (Привалов и др. 2001). Очевидно, в данном случае мы вновь сталкиваемся с предметом, который для носителей срубной культуры являлся древним, а потому считался сакральным.

На поселении финала срубной культуры Мерефа 4, Харьковская обл., в культурном слое находился развал горшка, поставленного вверх дном. На сосуд был положен кремневый наконечник стрелы с усеченным основанием (Пеляшенко, Буйнов 2009: 225, рис. 2, 22). Наконечник, по мнению авторов публикации, свидетельствует о контактах с племенами Волго-Камского региона (Пеляшенко, Буйнов 2009: 227). В Волго-Камье, действительно, в конце эпохи бронзы все еще использовались кремне-

⁹ Установлено, что носители срубной культуры были склонны собирать кремневые изделия более ранних эпох. Порой они их использовали в утилитарных целях, но, наряду с этим, некоторые из данных предметов рассматривались как сакральные (т.н. «эффект громовых стрел») (Колесник 2012: 170). Возможно, срубники считали данные наконечники орудиями богов, подобно тому, как это имело место у славянских и других европейских народов нового времени.

вые наконечники стрел, в т.ч. и того типа, к которому относится артефакт с поселения Мерефа 4 (Халиков 1980, табл. 60, 154–155). Однако меревский наконечник находит аналогии и в комплексах рубежа эпох средней и поздней бронзы (Пряхин, Матвеев 1988: рис. 9, 5, 7, 11, 12; 50, 6; Дьяченко и др. 2006: рис. 12, А, В). Таким образом, вполне возможно, что рассматриваемый предмет относится к тому же времени. А если это так, то его семиотический статус был довольно высок.

Стоит сказать и о еще одной находке. В помещении № 3 жилищно-хозяйственного комплекса № 1 срубного поселения Степановка, Луганская обл., на полу был обнаружен кремневый наконечник стрелы (Бровендер 2012: 51). Артефакт типологически близок меревскому наконечнику. По мнению автора публикации, рассматриваемое изделие является продукцией срубного мастера (Бровендер 2012: 58). С данным допущением трудно согласиться, ибо, как отмечалось выше, кремневые наконечники с усеченным основанием в степной части Восточной Европы присущи культурам рубежа эпох средней и поздней бронзы. Явные следы их производства (в виде, например, заготовок) до сих пор не обнаружены ни на одном из срубных поселений. Отсюда наконечник из Степановки правомерно отнести к упоминавшимся выше «амулетам или оберегам». Заметим, что помещение, где он выявлен, Ю.М. Бровендер с некоторыми на то основаниями трактовал как культовое (Бровендер 2012: 52), т.е. интересующая нас находка вполне могла являться атрибутом какого-то обряда.

На поселении срубной культуры Луковка, Черкасская обл., в котловане, скорее всего, культового назначения (здесь производилось сожжение культурных остатков, и сюда ссыпалась зола), наряду с костями животных, фрагментами керамики, камнями, осколками каменных орудий (фрагменты зернотерок, абразивов, растиральников), орудиями кожевенного и гончарного производства, керамическим диском и пр. были обнаружены отходы производства заготовок для изготовления костяных наконечников стрел и технологически завершённый костяной наконечник стрелы. Последний залегал близ северо-северо-западной стенки котлована (Куштан 2012: 252–254; Панковський 2012: 320–321).

В культовых комплексах других культур эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы находок наконечников стрел нам известно намного меньше, чем в срубной культуре. В частности, из зольника сабашиновской культуры, исследованного близ с. Новоселица Одесской обл., происходит бронзовый наконечник стрелы с обломанным концом (Тощев, Черняков 1986: 128). В т.н. «хозяйственной яме» сабашиновского поселения Суворово VI, Одесская обл., также был обнаружен бронзовый наконечник стрелы. Изделие имеет незначительные повреждения (кончики пера обломаны) (Черняков и др. 1986: 51). Не исключено, что яма являлась культовой.

На поселении Ла Юрт (Капланы I), Молдова, относящемся, вероятно, к финальной стадии сабашиновской культуры, в яме с обожженным дном находился костяной наконечник стрелы. Здесь, помимо упомянутого артефакта, были выявлены угли, кусочки обмазки, кости животных, фрагменты сосудов и абразив со следами заточки бронзовых изделий. Поскольку яма размещалась в курганообразном культовом сооружении (Агульников и др. 2009: 9), можно с достаточными на то основаниями говорить об обрядовом использовании упомянутого наконечника.

Стоит коснуться также погребений из Пуркар (совр. Пуркарь), 5/3 и 5/4, Молдова. В первой могиле был похоронен ребенок. На его берцовых костях лежал кремневый наконечник стрелы иволистной формы, изготовленный из добруджанского кремня (Яровой 1990: 123). Во втором погребении присутствовали аналогичные

наконечники из того же сырья. Умерший являлся мужчиной возрастом около 30 лет. Один наконечник лежал на его тазовой кости, а второй – возле лобной части черепа (Яровой 1990: 123). Публикуя данные захоронения, Е.В. Яровой датировал их эпохой бронзы, воздержавшись от культурного атрибутирования. Автор при этом подчеркнул, что сосуд из п. 3 и наконечники стрел не имеют аналогий в данном регионе (Яровой 1990: 224). Не столь давно рассматриваемые погребения были отнесены к сабашиновской культуре (Агульников, Малюкевич 2010а: 176). Даже если предложенная атрибуция захоронений и верна, факт присутствия в них наконечников стрел является аномальным для этой культуры, поскольку других сабашиновских захоронений со стрелами не известно. Кроме того, стоит учесть некоторые нюансы:

1. Производства и использования кремневых наконечников стрел сабашиновские поселения не фиксируют. Таким образом, наконечники из Пуркар являются инокультурными для сабашиновского ареала, в пользу чего свидетельствует и сырье, из которого они изготовлены;

2. Оба погребения выявлены в одном кургане. Все наконечники относятся к одному типу. Отсюда вытекает, что археологизация рассматриваемых артефактов была следствием какого-то одного события, а не результатом устоявшейся обрядовой практики;

3. В обоих случаях наконечники лежали на костях погребенных (в п. 4 такую локализацию имел один из артефактов). Следовательно, правомерно допущение, что данные изделия являлись не погребальным инвентарем в строгом смысле этого термина, а предметами, которыми умершие были поражены.

Таким образом, скорее всего, погребенных убили иноплеменники. В случае с захоронением взрослого один из наконечников на момент смерти, очевидно, был в трупе, а второй, возможно, извлекли из тела незадолго до смерти (или после нее), а затем поместили в могилу с не вполне понятной целью. Наконечник же из погребения ребенка мог быть в ноге покойника.

Довольно частыми являются находки наконечников стрел в зольниках культуры Ноуа. Обычно эти наконечники костяные (в т.ч. заготовки), изредка – бронзовые (Смирнова 1969: 14–15; 1972: 21). Самое большое количество данных изделий происходит из зольника № 3 поселения Магала, Черновицкая обл. (Крушельницка 2006: 122). Мы не располагаем данными о контекстах, в которых стрелы размещались в зольниках. Но показательны два факта:

1. Зольники культуры Ноуа были связаны с культовой практикой, о чем свидетельствуют многие находки, выявленные в их толще (Смирнова 1972: 16);

2. Нередко наконечники из зольников имеют довольно утонченную форму, свидетельствующую о значительных временных и интеллектуальных затратах на их изготовление. Сомнительно, что данные изделия оказались выброшенными за ненадобностью.

Из этих фактов вытекает допущение, что попадание наконечников стрел в зольники культуры Ноуа, по крайней мере, в части случаев, являлось результатом неупотребительных действий. Выше мы отмечали факт присутствия наконечника стрелы в зольнике срубной культуры поселения Сухая Мечетка IV. Рассматриваемые изделия выявлены и в зольниках федоровской культуры (Зах 1995: 39, 40, 41). Возвращаясь к культуре Ноуа, отметим, что здесь стрелы изредка оказывались и в погребениях (Крушельницка 2006: 122). К сожалению, сведений об этих погребениях у нас нет.

Нелишне упомянуть также яркий комплекс, выявленный на поселении культуры Кишинэу-Корлатень Буюканий-Веке-I, Молдова. Он представлял собой яму, где под скоплением обожженной глины находились бронзовый наконечник стрелы, антропоморфная статуэтка и 2 вотивных сосудика (Агульников, Малюкевич 2010б: 162). Авторы публикации рассматривают данный комплекс и ряд других, где также присутствовали антропоморфные статуэтки, как результат жертвенно-магических действий, в ходе которых происходило символическое захоронение божеств, связанных с культом урожая (Агульников, Малюкевич 2010б: 160, 162–163). Если это так, то наконечник из Буюканий-Веке-I не имел самостоятельного семиотического статуса, а выступал как атрибут какого-то мифологического персонажа.

В белозерской культуре зафиксирована практика использования стрел в погребальном обряде. Наиболее яркое из захоронений, где присутствовали рассматриваемые изделия, – комплекс из Хаджиллара, 1/1, Молдова. Умерший был погребен под индивидуальным курганом в могиле с шатровым перекрытием. Его сопровождали кости животных и довольно разнообразный инвентарь – биметаллический нож, золотое височное кольцо, деревянная чаша с бронзовой накладкой и глиняный сосуд. В четырех углах могилы были прослежены ямки. В юго-восточной из них находился костяной наконечник стрелы, а еще в одной – фрагмент сосуда (Агульников 2011: 280–284). Локализация наконечника заставляет усомниться в том, что он являлся категорией погребального инвентаря, маркировавшей воинский статус умершего (в противном случае изделие лежало бы на дне ямы рядом с костяком). Очевидно, артефакт попал в могилу вследствие каких-то действий, имевших отношение не к социальной, а к сугубо обрядовой сфере, т.е. прагматика наконечника была нарушена.

Менее эффектен, но также весьма интересен комплекс из грунтового могильника Будуржель, п. 17, Одесская обл. Здесь в южной части могилы, где был похоронен мужчина, обнаружен фрагмент костяного наконечника стрелы. Другой инвентарь из погребения представлен костяными зубьями «ребня-чесала». Могильная яма по своим размерам уступала ямам других захоронений взрослых данного могильника (Тощев 1992: 28, табл., рис. 4). Поскольку в комплексе выявлен лишь 1 наконечник (к тому же – фрагментированный), маловероятно, что он маркировал принадлежность умершего к носителям военной функции.

Наконец, бронзовый наконечник стрелы обнаружен в захоронении из Васильевки, 3/3, Одесская обл. (Ванчугов, Субботин 1989: 56). Могила была ограблена, а потому делать какие-то предположения относительно семантики изделия едва ли уместно.

Обобщим теперь приведенную выше информацию и попытаемся выдвинуть предположения о знаковой нагрузке стрел в различных контекстах. Стоит отметить, что данной проблемы применительно к захоронениям предсрубного времени и срубной культуры уже касалась Н.И. Шишлина (1987: 32–33). Исследовательница выдвинула ряд интересных гипотез, но она аргументировала их, ссылаясь, в основном, на материалы по Африке, Сибири, Китаю. На наш взгляд, уместнее использовать параллели из традиций индоевропейских народов, в том числе иранских, учитывая ираноязычность носителей срубной культуры, к которой относится большинство упомянутых выше комплексов.

Рассматривая семантику стрел, стоит обращать внимание на два момента:

1. В каком «тексте» находилась стрела, т.е., с какими другими предметами или субстанциями она коррелировалась;

2. Какие действия производились стрелой или со стрелой.

«Тексты», в составе которых оказывались стрелы, очень разнообразны. Коснемся некоторых из них:

1. В культурах срубной, сабашиновской, Ноуа, Кишинэу-Корлатень и федоровской наконечники стрел коррелировались с продуктами горения (зольники, жаровня из Верхней Маевки II, яма с поселений Ла Юрт и Буюканий-Веке-I, очаги Успенки и Николаевки, котлован Луковки, возможно, плавильный двор Горного-1). Отсюда можно сделать допущение, что стрелы ассоциировались с огнем, в частности огнем очага, и, вероятно, приносились в жертву огню. Попутно отметим, что аналогичная ассоциация существовала и у монголов, судя по тому, что они приносили жертвы огню, держа в руке стрелу (Андреев, Саенко 1992: 159). Не исключено, что в представлениях носителей степных культур эпохи бронзы стрелы соотносились и с «небесным огнем» – солнцем. Во всяком случае, в иранских языках стрела называется тем же словом, что и солнечный луч (Калинина 2003: 131). С солнцем (а также с молнией) стрела ассоциировалась и у славян (Афанасьев 1995: 126);

2. В срубной культуре наконечники стрел обнаружены вместе с астрагалами мелких копытных. Так, в погребении 2/2, Спасское I, наконечник находился в сосуде вместе с 35 таранными костями. В погребении из Николаевки 1/10 четыре костяных наконечника и один бронзовый размещались в скоплении из 207 астрагалов мелкого рогатого скота и свиньи. В погребении из Скворцовки 3/19 наконечник лежал рядом с кучкой из 41 астрагала барана и двумя клыками хищника. Имеются данные, позволяющие допускать, что астрагалы могли использоваться в качестве медиаторов при установлении контактов с потусторонним миром. Не углубляясь в данную проблематику, отметим лишь следующее. На поселении Макаровская Речка, Саратовская обл. в производственном помещении, связанном с металлургией и литейным делом, была выявлена яма, в заполнении и на дне которой находились астрагалы, коррелировавшие со следами явно обрядовой деятельности. М.А. Изотовой удалось убедительно доказать, что в данном случае мы сталкиваемся со следами жертвоприношений обитателям потустороннего мира (Изотова 2000: 122). Стоит сослаться и на нартовский эпос осетин. В некоторых сказаниях описывается, как нарты играют в альчики (астрагалы) с мертвецами (Нарты 1989: 137–138, 141–142). Здесь, очевидно, отразились представления о том, что с помощью астрагалов можно контактировать с представителями потустороннего мира. Но если астрагалы в комплексах срубной культуры выступали в качестве медиаторов, то и наконечники стрел, размещавшиеся в их скоплениях, также могли наделяться медиативной функцией. «Тексты» из Николаевки, 1/10, Спасского I, 2/2 и Скворцовки, 3/19, на наш взгляд, подтверждают гипотезу, согласно которой носители срубной культуры рассматривали стрелу как «транспортное» средство, позволяющее переноситься в потусторонний мир (Цимиданов 2007а: 25–27; Подобед и др. 2011: 14). Мотив полета на стреле представлен в фольклоре ряда народов. Для нашей темы наиболее интересно то, что подобным образом «путешествует» герой нартовского эпоса осетин кузнец Курдалагон (Дзиццойты 2003: 113). Ассоциация стрелы с Курдалагоном, возможно, является отголоском обрядового использования стрел древними металлургами, зафиксированного, в частности, на поселении Горный-1;

3. Наконечник стрелы в одном случае оказался в пятне охры. Возможно, охра здесь символизировала кровь. В данной связи можно вспомнить эпизод из сказки

белуджей, где герой стирает кровь с лица спящей женщины, употребляя для этого стрелу, наконечник которой обернут тряпочкой (Сказки, басни... 1989: 41–42);

4. Иногда стрелы коррелировались с тупиками (Новоселовка, котлован I; Николаевка, жилище IV). Нам уже приходилось писать о том, что «текст» «тупик + стрела» в поселенческих культовых комплексах мог отражать представления о плодородии или служить «ключом», открывающим «вход» в иной мир (Подобед и др. 2011: 114–115);

5. Стрелы коррелировались с абразивами (Зауморье, 1/1; Николаевка, жилище IV; Ла Юрт, яма, вероятно, Луковка, котлован). Несомненно, и этот «текст», учитывая его повторяемость, имел определенную семантику, но рамки работы не позволяют детально остановиться на этой проблеме, а потому мы ограничимся лишь констатацией наличия упомянутой корреляции.

Из действий, совершавшихся стрелами или со стрелами, обратим внимание на следующие:

1. Их втыкали в землю. При этом имели место три варианта:

а) наконечник был воткнут острием в стенку могилы (Бородаевка, 9/10);

б) наконечник был воткнут острием в дно могилы (Чамлык-Никольское, 1/1).

Вероятно, семантически тождественный случай имел место в погребении из Бородаевки, 9/10, где стрела не стояла у стенки могилы острием вниз;

в) наконечник был воткнут черешком в дно могилы (Бородаевка, 9/10).

В ряде скифских погребений исследователи также сталкивались с предметами вооружения, воткнутыми в землю (в дно или, реже, – в стенку могилы). Правда, это были не стрелы, а копыта и дротики, иногда – мечи (Бессонова 1984: 7–8). По мнению С.С. Бессоновой, данное действие преследовало цель «сковать» вредоносные силы покойника или, напротив, защитить его от злых духов (Бессонова 1984: 9). Очевидно, рассматривая семантику срубных стрел, воткнутых в землю, следует учитывать, куда и как вонзили наконечник. В частности, стрелы, воткнутые или установленные вертикально, могли символизировать т.н. «мировую ось». Выдвигая такое предположение, мы исходим из того, что в представлениях многих народов, в т.ч. иранских, стрела соотносилась с представлениями об этой оси, причем наконечник стрелы порой отождествлялся с преисподней (Андреев, Саенко 1992: 159; Дзиговский, Островерхов 2010: 148). Не исключено, что и наконечники дротика и стрелы, выявленные в заполнении котлована на поселении Казангулово I, учитывая их размещение один над другим, также символизировали «мировую ось».

Почему в захоронении из Бородаевки, 9/10, наконечник был воткнут в стенку могильной ямы, мы судить не беремся. Но зачем в том же захоронении другой наконечник вонзили близ пятки покойника черешком вниз, как нам представляется, может быть понятно, если мы обратимся к нартовскому эпосу осетин. В одном из сказаний описывается убийство коня Сослана лучниками из страны мертвых. Стрелы при этом поражают животное в копыта – единственное уязвимое место (Дюмезиль 1990: 194). Данный эпизод позволяет предполагать, что у создателей Нартиады были представления, согласно которым в процессе отправки коня в потусторонний мир следовало произвести определенные манипуляции с его копытами. Не исключено, что и наконечник стрелы из Быково, 1/5, был связан с подобными же представлениями, а его месторасположение имитировало поражение коня в копыто. Бородаевское захоронение демонстрировало аналогичный «текст»: наконечник снова находится близ части тела, которая при жизни соприкасалась с землей (но на сей раз – не коня,

а человека). При этом наконечник словно выходил из земных глубин. Представляется, что здесь мы вновь сталкиваемся с представлениями о подземных «лучниках», способных поражать стрелами живые существа;

2. Стрелы помещали в могилу, особым образом ориентируя их относительно тела человека. Совершенно не ясно, какой смысл вкладывался в их размещение за спиной, в головах, перед грудью, у таза, у колен, перпендикулярно бедрам или в ногах. А вот локализацию стрел в погребении из Меркеля, G2/4 (они лежали вдоль бедер к коленям остриями) можно попытаться объяснить. Отметим, что в верованиях многих народов стрелы ассоциировались с мужским оплодотворяющим началом¹⁰ (Куклев, Гайдук 2000: 469; Трессидер 2000: 360; Калинина 2003: 127). Подобные представления существовали еще в палеолите (Леруа-Гуран 1993: 30). Если говорить о культурах бронзового века, то связь стрелы с оплодотворяющей символикой очень ярко отразили петроглифы Центральной Азии (Черемисин 2002). Существование отмеченной ассоциации у иранцев зафиксировалось в Нартиаде, где мужское семя названо стрелой (Дзицойты 2003: 48)¹¹. Отголоски рассматриваемых представлений можно найти и у других индоевропейских народов. В частности, стрелы использовались в свадебной обрядности. Например, у русских в XVII в. отец жениха острием стрелы разделял волосы на голове невесты (Вовк 1995: 250). У молдаван во время свадьбы стреляли из лука в окно (автор не уточняет, в какое – В.Ц.) (Зеленчук 1959: 63). В белорусской песне описывается аналогичная стрельба, но из текста следует, что стрелы пускали в окно невесты (Бартошевич 1983: 60). В осетинском нартовском эпосе можно найти близкий мотив. Здесь повествуется о том, как Созырько, чтобы завоевать прекрасную Бедуху, стреляет из лука в окно летающей башни, где находится пассия нарта (Нарты 1989: 97, 99). В песнях украинцев фигурирует стрела, которая способна разбить каменную стену, скрывающую девушку (Димнич 1970: 36; Правдюк 1971: 55). Тожественный мотив имеет место и в песнях белорусов (Барташевич 1983: 60). Нелишне вспомнить также одну сербскую сказку. Здесь герой стремится освободить девушку, похищенную змеем. Несчастливая томится на вершине высокой башни. Юноша выпускает в башню стрелу с привязанным к ней ремнем. По этому ремню он затем добирается до пленницы (Сербские народные песни... 1987: 367).

В общеизвестной славянской сказке о Царевне-Лягушке стрела указывает герою путь к потенциальной невесте. Заметим, что мотив выбора суженой с помощью стрелы широко распространен и в фольклоре иранских народов (Осетинские народные сказки 1973: 244; Курдские сказки... 1989: 186; Сказки и легенды... 1990: 37). Встречается он и в эпосе тюрков (Короглы 1976: 115). У тюркских народов, как и у славян, стрелы использовались в свадебной обрядности. Это имело место, например, у казахов (Кисляков 1969: 112). Любопытно, что в ходе бурятской свадьбы стрела выступала как атрибут не мужской, а женской стороны брачующихся. Ее сжимал в руке т.н. «туруушин», ехавший во главе свадебного поезда невесты. Он должен был ворваться в юрту родителей жениха и, преодолев сопротивление родственников последнего, вонзить стрелу в северо-западный столб (Басаева 1980: 8).

¹⁰ Стрельба из лука, соответственно, ассоциировалась с половым актом.

¹¹ В Нартиаде можно найти и отголоски представлений о связи стрел с плодородием земли. Так, в одном из преданий от искр, испускаемых летящими стрелами, появляются грушевые деревья и лес (Миллер 1992: 427).

Возвращаясь к срубной культуре, заметим, что ярко выраженного фаллического культа ее материалы не фиксируют. Некоторые авторы трактуют как фаллические отдельные предметы (Отрощенко и др. 1977: 25; Лопатин 1993: 87; Памятники... 1993: 120, табл. 18, 48; Вальков 1997: 110–112; Мыськов. Лапшин 2007: 25) и объекты (Черных, Лебедева 2002а: 85, 86; 2002б: 104, 106; Лопатин 2003: 15), но зачастую такая трактовка недоказуема. Вместе с тем, в захоронении G2/4 из Меркеля стрелы словно являлись продолжением мужского органа, откуда правомерно допущение, что ассоциация стрел с оплодотворяющим началом имела место и в верованиях носителей срубной культуры;

3. Стрелы в процессе погребения нередко ломали. Так, в захоронении из Рождественно I, 2/5, наконечник лежал в 30 см от северо-западной стенки могилы, будучи обращенным острием в сторону, противоположную данной стенке (Крамарев, Кузьмина 2012: рис. 12, 1). Если учесть, что древки стрел эпохи бронзы имели в длину не менее 60 см (Братченко 1989: 77, 78), то можно допустить либо факт помещения на дно могилы стрелы с отломанной частью древка, либо то, что наконечник вообще был без древка. В захоронении из Новопавловки, 4/1, обнаружены 6 составных втоков, а наконечники стрел отсутствовали. Отсюда правомерно предположение, что они были отломаны от древков¹². Аналогичную картину демонстрируют и некоторые другие комплексы. В погребении из Песочного, 1/1, были втоки от трех стрел, а наконечник – только один. В погребении из Натальино II, 7/1, присутствовали два втока, но наконечников не было. В другом погребении данного могильника (11/1) обнаружен вток, но наконечник отсутствовал. В комплексе из Бородаевки, 9/10, количественное соотношение втоков и наконечников, а также их взаимное размещение позволяют допускать, что стрелы (по крайней мере, некоторые) также были сломаны. Несколько втоков найдены в погребении из Быково, 1/5, но наконечники в могиле не найдены. Наконечники, обнаруженные в скоплениях астрагалов (Спасское I, 2/2; Николаевка, 1/10), возможно, были отделены от древков в ходе погребального обряда¹³. В ряде комплексов поврежденными являлись сами наконечники. В частности, это имело место в упомянутом захоронении из Николаевки, 1/10. Здесь острие одного из наконечников было намеренно притуплено несколькими срезами (судя по приведенным в публикации рисункам, поврежденными являлись и втулки наконечников из данного комплекса) (Исмагил и др. 2009: рис. 9, 3–6). В захоронении из Азова, 2/4, острие наконечника тоже было затуплено. В погребениях из Мессера V, 1/4, и Малого Кута, 1/1, у наконечников были отломаны основания. Отметим, что в срубной культуре практику нарушения целостности вещей в процессе совершения погребального обряда демонстрируют не только стрелы, но и многие другие изделия (Цимиданов 2011б: 11–17). Смысл этой практики не вполне ясен. Возможно, она порождена представлениями о том, что в потустороннем мире многие вещи повреждены (Цимиданов 2011б: 20–26, 29–30);

4. Наконечники стрел порой помещали в замкнутые объемы (сосуд на поселении Успенка; ямы на поселениях Суворово VI и Буюканий-Веке-I; ямка в погребении из Хаджилара, 1/1). Очевидно, в данных случаях мы имеем дело с т.н. «емкостными жертвенниками» (Мимоход 2000: 87–88);

¹² Кроме того, концы втоков были обломаны (Скарбовенко 1981: 15).

¹³ Впрочем, нельзя исключать и того, что они вообще никогда не крепились к древкам.

5. Стрелы использовались в качестве жертв оставления жилищ и поселений, как показывают, в частности, материалы поселения Горный-1;

6. Стрелы размещали на границах различных объектов. Это имело место на плавильном дворе поселения Горный-1 и на поселении Халаджи Бахчи. В последнем случае наконечник находился в кладке цоколя постройки, т.е. на ее рубеже с внешним миром.¹⁴ Мы уже приводили доводы в пользу того, что в культурах бронзового века Центральной Азии и Сибири стрелы использовались в обрядах как медиаторы с блокирующей функцией, т.е. как предметы, призванные упрочить границу с иным миром (Подобед и др. 2012: 89–90). Очевидно, подобным образом – в качестве оберегов – могли использовать рассматриваемые изделия и носители срубной культуры¹⁵. Необходимость в этом возникала, судя по этнографическим данным, если люди опасались вторжения демонических сил из иного мира или оттока в этот мир каких-то благ из мира живых. Однако медиаторы применялись и для «размыкания» «канала связи» между мирами (Топорков 1989: 95). Это происходило, главным образом, в двух ситуациях: а) когда совершалось погребение умершего; б) когда люди хотели получить из иного мира помощь высших сил (как добрых, так и злых). Следом обряда, производившегося в ситуации б, вероятно, является комплекс с поселения Мерефа 4. Напомним, что здесь наконечник стрелы лежал на перевернутом сосуде. Но перевернутые сосуды (равно как и другие перевернутые предметы) обычно ассоциировались с потусторонним миром (Цимиданов 2001–2002: 378–379; 2011а: 171).

Итак, собранная нами информация показывает, что в эпоху поздней бронзы стрелы являлись не только оружием, но атрибутами разнообразных обрядов. В то же время, их обрядовое использование, вероятно, не приобрело больших масштабов – стрелы редко попадали в культовые комплексы. Если же последнее случалось, то в комплексе, как правило, оказывалось небольшое количество интересующих нас предметов (зачастую – лишь 1). Для сравнения, в осетинском святилище Дзуар Реком, посвященном богу Уастырджи – покровителю мужчин, честных людей, а также домашних животных, находилась, по сообщению В.Ф. Миллера, «высокая куча стрел всяких видов» (Миллер 1992: 426, 439–440). Ничего подобного рассмотренные нами культуры не демонстрируют.

Приложение

СПИСОК УЧТЕННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ С ФРАГМЕНТАМИ СТРЕЛ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Челябинская обл.

1. Спасское I, 2/2 (Стоколос 1972: 162);

Башкортостан

2. Николаевка, 1/10 (Исмагил и др. 2009: 18–19);

¹⁴ Этнографические данные по многим народам свидетельствуют о том, что границы различных объектов обычно ассоциируются с границей между мирами живых и мертвых, причем расхожим является верование, что на данных границах концентрируется нечисть.

¹⁵ Отголоски веры в охранительную силу стрел, возможно, зафиксировало одно из осетинских преданий. Здесь люди, спасаясь от эпидемии холеры или чумы, бегут туда, куда полетела стрела (Миллер 1992: 468). Использование стрел в качестве оберегов известно у многих народов (Ожередов 2014: 510).

Оренбургская обл.

3. Грачевка, 5/1 (Богданов 2000: 14);
4. Скворцовка, 3/19 (Моргунова и др. 2010: 8, 24–26);

Татарстан

- 5–8. Новоселки, 1/5, 2/7, 3/2, 4/5 (Иванов, Скарбовенко 1993: 101, 107, табл.);

Самарская обл.

9. Истомин, 3/6 (Васильев 1975: 55–56);
10. Красноселки I, 2/3 (Халяпин, Порохова 2000: 110–111);
11, 12. Новопавловка, 4/1, 5/1 (Скарбовенко 1981: 15–17);
13. Новый Ризадей I, 1/2 (Пярых 1983: 218–220);
14. Песочное, 1/1 (Зудина, Скарбовенко 1985: 51–53);
15, 16. Рождествено I, 2/5, 5/16 (Крамарев, Кузьмина 2012: 88, 107);
17. Спиридоновка II, 1/1 (Кузнецов, Мочалов 1999: 60–61; Хохлов 1999: табл. 1);

Саратовская обл.

18. Бородаевка, 9/10 (Миронов 1991: 61–62);
19. Зауморье, 1/1 (Ляхов 1992: 93, 95);
20. Луговское (Везенмиллер) II, 2/1 (Памятники... 1993: табл. 1, № 254);
21. Макаровка (Меркель), G2/4 (Синицын 1947: 77–79);
22. Мессер V, 1/4 (Лопатин, Четвериков 2010: 19–20);
23. Мокрое 2, 3/1 (Юдин 2010: 351, рис. 2, 3–9¹⁶);
24–26. Натальино II, 7/1, 8/1, 11/11 (Малов 1991: 16–18; Памятники... 1993: табл. 1, № 21, № 24);

Волгоградская обл.

27. Быково, 1/5 (Смирнов 1957: 209–210, 212, 214);
28. Черebaево, 1/3 (Синицын 1959: 42);

Липецкая обл.

29. Чамлык-Никольское, 1/1 (Мельников, Чивилев 2003: 254);

УКРАИНА

Донецкая обл.

30. Малый Кут, 1/1 (Привалова 2004: 168–170);

Днепропетровская обл.

31. Верхняя Маевка II, 1/1 (Ковальова, Волкобой 1976: 3–5);

Запорожская обл.

32. Азов, 2/4 (Самар 1998: 77).

¹⁶ В публикации перепутаны подписи к рис. 2 и 3.

Таблица 1

**Частота встречаемости различных категорий некерамического инвентаря
в комплексах со стрелами восточной территории
(кенотафы и погребения взрослых)**

Категории	Число погребений с данной категорией	Удельный вес погребений с данной категорией (%)
Каменный топор	1	4,8
Булава из камня или бронзы	4	19,0
Костяные детали жезла-трости	4	19,0
Бронзовый кинжал	2	9,5
Костяная пластинка (предохранитель от удара тетивы?)	1	4,8
Деревянная чаша	2*	9,5
Бронзовый нож	6	28,6
Костяная пряжка	2	9,5
Пряжка из раковины	1	4,8
Сурьмяные бусы	1	4,8
Набор украшений из сурьмяных бус, бронзовых пронизей и бронзовых пластинок от наколика	1	4,8
Бронзовые обоймы и скобы	3	14,3
Костяное кольцо	1	4,8
Костяная трубка	2**	9,5
Костяной конус	1	4,8
Куски мела	2	9,5
Порошок бурого железняка	1***	4,8

* – в 1 погребении была чаша с бронзовой накладкой.

** – в 1 погребении была трубка с резным узором.

*** – 2 скопления.

Таблица 2

**Частота встречаемости различных категорий некерамического инвентаря
в комплексах со стрелами восточной территории
(погребения детей и подростков)**

Категории	Число погребений с данной категорией	Удельный вес погребений с данной категорией (%)
Костяная рукоять плети	1	16,7
Астрагалы мелкого рогатого скота	3*	50,0
Копыто мелкого рогатого скота	1	16,7
Абразив	1	16,7
Бронзовый нож	1	16,7
Клыки хищника	1	16,7
Костяная втулка	1	16,7
Берестяная коробочка	1	16,7
Кусок кварцита	1	16,7

* – в 1 погребении были дополнены астрагалами свиньи.

Литература

- Агульников С.М. 2011. Могильники белозерской культуры у с. Хаджиллар в Северо-Восточном Буджаке // МАСП. Вып. 12. Одесса.
- Агульников С.М., Малюкевич А.Е. 2010а. Погребальные комплексы сабастиновской культуры в курганах Днестровского Правобережья // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.
- Агульников С., Малюкевич А. 2010б. Ритуальный комплекс периода поздней бронзы с поселения Молога-II в Нижнем Поднестровье // Revista Arheologică. Serie nouă. Vol. VI. Nr. 1. Chişinău.
- Агульников С.М., Паша В.И., Попович С.С. 2009. Святилище позднего бронзового века на поселении Ла Юрт (Капаны I) // ССПК. Т. XV. Запоріжжя.
- Андреев В.Н., Саенко В.Н. 1992. О семантике стрел в скифском погребальном обряде // ДСПК. Т. III. Запорожье.
- Антипина Е.Е. 2004. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археозоологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М.
- Афанасьев А.Н. 1995. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М.
- Африканов Ю.А. 2007. Раннесрубный кенотаф на р. Терешка // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.
- Бартошевич Г.О. 1983. Обряд водіння стріли в Білорусії // НТЕ. № 4.
- Басаева К.Д. 1980. Буряты // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.
- Бессонова С.С. 1984. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. К.
- Богданов С.В. 2000. Древнеямный некрополь в окрестностях с. Грачевка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург.
- Братченко С.Н. 1989. Лук і стріли доби енеоліту – бронзи півдня Східної Європи // Археологія. № 4.
- Бровендер Ю.М. 2012. Степановское поселение срубной общности на Донецком краже. Алчевск.
- Буров Г.Н. 1971. Исследования в Ульяновском Поволжье // АО–1970. М.
- Вальков Д.В. 1997. О «фаллических формах» на поселениях эпохи поздней бронзы // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В. 1989. Васильевский курганный могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К.
- Васильев И.Б. 1975. Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева // Самарская Лука в древности. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. 1985. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Куйбышев.
- Вовк Х.К. 1995. Студії з української етнографії та антропології. К.
- Гершкович Я.П., Клочко В.И. 1987. Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам Завадской литейной мастерской) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. К.
- Горбов В.Н., Мимоход Р.А. 1999. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк.
- Горбунов В.С. 1977. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Дема // СА. № 1.
- Горбунов В.С., Морозов Ю.А. 1991. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа.
- Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 2010. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. № 3.

- Дзищойты Ю.А. 2003. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал.
- Димнич Н.Я. 1970. Весілля в селі Кремеш Горохівського повіту // Весілля. Кн. 2. К.
- Дьяченко А.Н., Кривошеев М.В., Шинкарь О.А. 2006. Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград.
- Дюмезиль Ж. 1990. Скифы и нарты. М.
- Журавлев О.П. 2001. Osteологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. К.
- Зах В.А. 1995. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск.
- Зеленев Ю.А., Юдин А.И. 2010. Курган у села Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.). Саратов.
- Зеленчук В.С. 1959. Східнослов'янські риси у молдавській весільній обрядовості // НТЕ. № 3.
- Зудина В.Н., Скарбовенко В.А. 1985. Раннесрубный могильник у с. Песочное // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.
- Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А. 1993. Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. Самара.
- Изотова М.А. 2000. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы «Макаровская речка» // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж.
- Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. 2009. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа.
- Калинина И.В. 2003. Стрела в архаике (образная лексика) // Теория и методология архаики. Вып. 3. СПб.
- Кисляков Н.А. 1969. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.
- Клименко В.Ф. 1997. Курганные древности Северского Донца. Енакиево.
- Ковальова І.Ф., Волкобой С.С. 1976. Маївський локальний варіант зрубної культури // Археологія. Вип. 20.
- Колесник А.В. 2012. Кремневые изделия Степановского поселения // Ю.М. Бровендер. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск.
- Короглы Х. 1976. Огузский героический эпос. М.
- Косинцев П.А., Рослякова Н.В. 2000. Скотоводство населения Самарского Поволжья в эпоху бронзы // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.
- Крамарев А.И., Кузьмина О.В. 2012. Раскопки Рождественского I курганного могильника на юге Самарской Луки // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. 1935. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства // ИГАИМК. Вып. 119.
- Крушельницька Л.І. 2006. Культура Ноа на землях України. Львів.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. 1999. Нестандартный раннесрубный курганный комплекс юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара.
- Кузьминых С.В. 2004а. Малые серии археологических материалов с Горного // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М.
- Кузьминых С.В. 2004б. Металл и металлические изделия // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М.

- Куклев В., Гайдук Г. 2000. Стрела // Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.
- Курдские сказки, легенды и предания. 1989. М.
- Куштан Д.П. 2012. Поселения доби пізньої бронзи Луківка на півдні лісостепоного Побужжя // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ.
- Леруа-Гуран А. 1993. «Мобильное» искусство палеолита // ДАС. Вып. 3. Донецк.
- Литвиненко Р.О. 1994. Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К.
- Лопатин В.А. 1993. Поселения // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье / САИ. Вып. В1–10. Саратов.
- Лопатин В.А. 2003. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище «Мартышкино» (материалы эпохи поздней бронзы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов.
- Лопатин В.А., Четвериков С.И. 2010. Курганный могильник Мессер V // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.). Саратов.
- Ляхов С.В. 1992. Заволжские памятники эпохи поздней бронзы // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград.
- Ляхов С.В. 1994. Погребения эпохи поздней бронзы из Букатовских курганов // Срубная культурно-историческая область. Саратов.
- Максимов Е.К. 1994. Максимовские курганы // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. Волгоград.
- Малов Н.М. 1991. Погребения с булавами и втоками Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2. Саратов.
- Малов Н.М. 2003. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов.
- Мамонтов В.И. 2000. Памятники срубной культуры степного Подонья // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Европейской степи и лесостепи. Воронеж.
- Мельников Е.Н., Чивилев В.А. 2003. Проявление покровско-абашевских традиций в материалах раннесрубного кургана 1 у с. Чамлык-Никольское // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары.
- Миллер В. 1992. Осетинские этюды. Владикавказ.
- Мимоход Р.А. 2000. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.
- Мимоход Р.А. 2001. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1. Донецк; Макеевка.
- Миронов В.Г. 1991. Погребения покровского времени кургана № 9 у с. Бородаевка // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2. Саратов.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. 2010. Скворцовский курганный могильник. Оренбург.
- Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. 2007. Срубные погребения Николаевского могильника // Уфимский археологический вестник. Вып. 6–7. Уфа.
- Мыськов Е.П., Лапшин А.С. 2007. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. Волгоград.
- Нарты. Осетинский героический эпос. 1989. Кн. 2. М.
- Ожередов Ю.И. 2014. «Ведийские» ритуалы у народов Западной Сибири // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул.
- Осетинские народные сказки. 1973. М.

- Отрощенко В.В., Савовский И.П., Томашевский В.А. 1977. Курганная группа Рясные Могилы у с. Балки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. К.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. 1993 // САИ. Вып. В1–10. Саратов.
- Панковський В.Б. 2012. Доробок лувківського косторіза // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ.
- Пеляшенко К.Ю., Буйнов Ю.В. 2009. Охоронні дослідження на поселеннях доби бронзи Завод Комсомолец та Мерефа 4 на Харківщині // АДУ – 2008. К.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. 2010. Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 3(15). Горно-Алтайск.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. 2011. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) // МАСП. Вып. 12. Одесса.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. 2012. Стрелы в обрядах древнего населения Центральной Азии и Сибири (по материалам поселений эпохи бронзы) // «Кадырбаев окулары – 2012». III Халыкаралык гылыми конференциясы. Актобе.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. 2014. Копыта животных в обрядах культур степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы // Маргулан окулары – 2014. Алматы; Павлодар.
- Попова Т.Б. 1953. Керамика Мелекесских курганов // Археологический сборник / Труды ГИМ. Вып. XXII.
- Правдюк О. 1971. Часова атрибуція деяких реалій у весільних піснях // НТЕ. № 3.
- Привалова А.И., Привалова О.Я., Косиков В.А. 2001. Отчет об археологических исследованиях поселения эпохи поздней бронзы Халаджи Бахчи в бассейне р. Кальмиус // НА ИА НАНУ. 2001/73.
- Привалова О.Я. 2004. Курганы бассейна Мокрой Волновахи (Северо-Восточное Приазовье) // Археологический альманах. № 14. Донецк.
- Привалова О.Я., Привалов А.И. 1987. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.
- Пятых Г.Г. 1983. Исследования могильника Новый Ризадей I (Среднее Поволжье) // СА. № 2.
- Самар В.А. 1998. Верхняя хронологическая граница КМК и покровская культура Северного Приазовья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье.
- Семенова А.П. 2000. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.
- Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. 1987. М.
- Синицын И.В. 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов.
- Синицын И.В. 1959. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. № 60.
- Сказки, басни и легенды белуджей. 1989. М.
- Сказки и легенды горных таджиков. 1990. М.
- Скарбовенко В.А. 1981. Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
- Смирнов К.Ф. 1957. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. Т. XXVII.
- Смирнова Г.И. 1969. Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н.э.) // Древние фракийцы в Северном Причерноморье / МИА. № 150.

- Смирнова Г.И. 1972. Новые исследования поселения Магала // АСГЭ. Вып. 14.
- Стоколос В.С. 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М.
- Тошев Г.Н. 1992. Белозерский могильник Будуржель в Подунавье // РА. № 3.
- Топорков А.Л. 1989. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.
- Тошев Г.Н., Черняков И.Т. 1986. Культурные зольники сабатиновской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.
- Трессидер Д. 2000. Словарь символов. М.
- Фирстков О.Ю. 2007. К вопросу о покровско-абашевской культуре в Волго-Донском междуречье // Материалы XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Пермь.
- Халиков А.Х. 1980. Приказанская культура // САИ. Вып. В1–24. М.
- Халяпин М.В., Порохова О.И. 2000. Погребальные комплексы эпохи бронзы у с. Красноселки в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург.
- Хохлов А.А. 1999. Краниологические материалы Спиридоновского II могильника (курган I) // Охрана и изучения памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара.
- Худяков Ю.С. 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Цимиданов В.В. 1990. Отчет об исследованиях Краснолиманской археологической экспедиции у с. Новоселовка Краснолиманского района Донецкой области. 1990 год // НА ИА НАНУ. 1990/209.
- Цимиданов В.В. 2001. Веретено в обрядах населения срубной культуры // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей / Труды ГИМ. Вып. 109. М.
- Цимиданов В.В. 2001. Астргалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. № 10. Донецк.
- Цимиданов В.В. 2001–2002. Погребения со стелами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Stratum-plus. № 2.
- Цимиданов В.В. 2004. Социальная структура срубного общества. Донецк.
- Цимиданов В.В. 2006а. Срубная культурно-историческая общность: женщины и мужчины // МДАСУ. № 5. Луганськ.
- Цимиданов В.В. 2006б. Срубная общность в свете циклических теорий развития // ДАС. № 12. Донецк.
- Цимиданов В.В. 2007а. Нартовский эпос осетин и срубная культура: поиск сходжений // Известия СОИГСИ. Вып. 1(40). Владикавказ.
- Цимиданов В.В. 2007б. Поховання із нагайками в зрубній культурі // МДАСУ. № 7. Луганськ.
- Цимиданов В.В. 2001а. Культурно-хронологическая интерпретация погребений энеолита – эпохи бронзы кургана «Розкопана Могила» (Донбасс) // Археологический альманах. № 25. Донецк.
- Цимиданов В.В. 2011б. Сны и происхождение некоторых представлений о потустороннем мире // Літопис Донбасу. № 19. Донецьк.
- Черемисин Д.В. 2002. К интерпретации «эротических» сюжетов наскального искусства Центральной Азии // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск.
- Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю. 2002а. Поздняя фаза: комплекс № 1 // Каргалы. Т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М.
- Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю. 2002б. Поздняя фаза: комплекс № 2 // Каргалы. Т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю. 2002в. Финал Горного: субфаза В-3: Каргалы. Т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М.

Шевнина И.В. 2002. Опыт реконструкции женского погребального костюма по материалам могильника эпохи бронзы Джангильды V // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар.

Шилов В.П. 1985. Проблемы происхождения кочевого скотоводства в Восточной Европе // Древности Калмыкии. Элиста.

Шишлина Н.И. 1987. Значение лука и стрел в погребениях срубной культуры // Археологические исследования Калмыкии. Элиста.

Шишлина Н.И. 1990. О сложном луке срубной культуры // Проблемы археологии Евразии / Труды ГИМ. Вып. 74. М.

Юдин А.И. 2010. Памятники бережновского типа раннесрубной культуры Нижнего Поволжья // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. Луганск.

Яровой Е.В. 1990. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев.

V.V. Tsimidanov

Ritual use of arrows in the Late Bronze Age cultures of South East Europe

The ritual use of arrows in the Late Bronze Age cultures of South East Europe is studied in this article. The author analyzes the burials and settlements cult complexes of some cultures (Timber Grave, Sabatinovka, Noua, Chisinau-Korlaten, Belozerkka) in which there were fragments of the arrows. As a result of analysis of these complexes several conclusions were made, the most important of them are the following: a) arrows was associated with fire and, possibly, sun; they were sacrificed to the fire; b) arrows function as mediators with the other world; they used for contacts with deities; c) arrows were made of different manipulations during rites; they were stuck in the ground and broke; arrowheads were placed in vessels; d) when people left the building, they used arrows as victims; e) arrows was associated with male sexual power; f) arrows were used as amulets; these were placed on the boundaries of different objects for protection against demonic forces.